УДК 572+314.148(476)

О. А. ЕМЕЛЬЯНЧИК

СМЕРТНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ XI–XIX вв. (ПО ДАННЫМ ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ)

Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Беларусь

В статье представлены результаты палеодемографического исследования материалов сельских погребений XI–XVIII вв. с территории Беларуси. Полученные данные сопоставляются со статистическими данными о смертности в Могилевской губернии в период с 1871 по 1881 год. Установлено, что на протяжении XI–XIX вв. на территории Беларуси сохранялся стабильно высокий уровень смертности сельского населения. Начало снижения смертности приходится на 60-е годы XIX в. и связано с постепенным улучшением жизни крестьянства после отмены крепостного права. Детская смертность, в особенности смертность младенцев до 1 года, сохраняется на стабильно высоком уровне вплоть до начала XX в. Основными причинами высокой смертности сельского населения в период с XI до середины XIX в. были неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия жизни крестьянства, а также такие «катастрофические» явления, как голод, эпидемии, войны.

Ключевые слова: Беларусь, сельское население XI–XIX вв., палеодемография, историческая демография, смертность, средняя ожидаемая продолжительность жизни

Введение

Смертность населения – важный показатель, свидетельствующий об общем состоянии здоровья и качестве жизни людей. Существует тесная связь между характером естественного движения населения и хозяйственно-экономическим укладом общества.

Для всех обществ с аграрной экономикой характерен так называемый «традиционный», или «патриархальный», тип воспроизводства населения, характеризующийся ранним возрастом вступления в брак, высокой рождаемостью, высокой смертностью, особенно в раннем детском возрасте, и низкой средней продолжительностью жизни [10, с. 48]. Общие темпы роста численности

населения при традиционном типе воспроизводства определялись колебаниями смертности, основными причинами которых были периодические «катастрофические» явления – голод, эпидемии, войны.

Систематическая регистрация статистических данных о смертности сельского населения на территории Беларуси появляется только к концу XIX в. В этой связи данные палеодемографии сохраняют свою актуальность не только для реконструкции смертности населения отдаленных исторических эпох, но и населения близкого к современному.

Качественная палеодемографическая реконструкция предполагает выполнение ряда условий: остеологическая серия должна происходить из одного могильника с четкой датировкой, численность выборки должна составлять не менее 50 человек с достаточной представительностью мужских, женских и детских скелетов. В некоторых случаях допускается анализ показателей смертности, полученных для сборных остеологических серий, представляющих собой несколько выборок (могильников с малым числом погребений) однородного населения географически ограниченной территории конкретного временного среза [12, с. 52–53].

В результате палеодемографического исследования двух сборных краниологических серий сельского населения (серии курганного населения Полоцкой земли XI–XIII вв. и сборной серии сельского населения XVIII–XIX вв.) было установлено сходство показателей смертности в двух хронологически разновременных группах сельского населения, что позволило сделать вывод об относительной стабильности условий жизни в сельских поселениях на протяжении значительного периода – с XI по XIX век н. э. [3].

В 2010 г. впервые была изучена репрезентативная по численности остеологическая серия сельского населения, происходившая из одного могильника (кладбище конца XVI – XVIII в. около д. Коматово, Гродненский р-н). Пригодной для палеодемографического анализа оказалась выборка общей численностью 225 человек. Полученные показатели смертности (ожидаемая продолжительность жизни взрослых, средний возраст смерти)

оказались близки установленным ранее показателям смертности для сборной серии сельского населения Беларуси XVIII–XIX вв. [4, с. 38–39].

Последние годы на базе Полоцкого государственного университета проводятся систематические археологические раскопки сельских кладбищ под руководством В. В. Черевко. В результате были получены новые материалы по сельскому населению Белорусского Подвинья, датированные XIV–XVIII вв.

Цель данного исследования – проанализировать показатели смертности сельского населения XI–XIX вв. с территории Беларуси, полученные в ходе палеодемографического анализа, сопоставить полученные результаты с имеющимися статистическими данными о смертности сельского населения, проследить эпохальные тенденции изменения смертности.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили остеологические серии из двух сельских кладбищ, расположенных на территории Глубокского района Витебской области: грунтового могильника около д. Ивесь (Псуевский сельсовет) и грунтового могильника около д. Долгое (Зябковский сельсовет). Археологические исследования данных могильников проводились В. В. Черевко на протяжении 2010–2015 гг. [13, 14].

Погребения из грунтового могильника около д. Ивесь датируются XIV–XVI вв. Остеологическая серия представлена скелетными останками 28 человек, из которых 7 детей и 21 взрослый (12 мужчин, 7 женщин, пол 2 взрослых индивидов не был определен из-за плохой сохранности материала).

Погребения из грунтового могильника около д. Долгое датированы XIV–XVIII вв. Остеологическая серия представлена скелетными останками 31 человека, из которых 9 детей и 22 взрослых (3 мужчины, 7 женщин, пол 12 взрослых индивидов не был определен из-за плохой сохранности материала).

Могильники расположены на расстоянии около 9 км друг от друга, совпадают по датировке, характеризуются общностью

погребального обряда, что позволяет отнести население, оставившее погребения, к единой этнической и социальной группе.

Пол и возраст погребенных определялся с использованием стандартных методов. По результатам половозрастного распределения индивиды были сгруппированы в возрастные когорты, на основании которых рассчитывались стандартные таблицы дожития (отдельно для общей выборки, отдельно для взрослых мужчин и женщин). При построении таблиц дожития использовалось понятие условно стационарной популяции.

Помимо показателей таблицы дожития (ожидаемая продолжительность жизни, вероятность смерти) анализировался такой показатель, как *средний возраст смерти взрослых,* который вычисляется путем умножения середины каждого возрастного класса на долю этого класса. Середина первой возрастной категории (15–19 лет) принималась равной 17,5 года, середина второй принималась равной соответственно 52,5 года.

Полученные показатели сопоставлялись с данными о смертности сельского населения Беларуси, полученными ранее на основании палеодемографического анализа, а также показателями, рассчитанными на основании статистических данных о смертности сельского населения Могилевской губернии в период с 1871 по 1881 год [8].

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 представлены данные о половозрастном составе исследованных остеологических серий, а также статистические данные о смертности православного сельского населения Могилевской губернии в период 1871–1881 гг. Поскольку все исследованные группы сельского населения относятся к одному типу воспроизводства («традиционный», или «патриархальный» тип), сравнение данных, полученных на основании палеодемографического анализа, со статистическими данными о половозрастном распределении умерших, позволяют проследить возможные искажения, связанные с дифференцированной сохранностью скелетного материала.

Таблица 1. **Состав исследованных групп сельского населения по полу и возрасту**

Группа	Датировка, век н. э.	N	Состав, %				d_{50+}, %
			Мужчины	Женщины	Неопр. пол	Дети	
Кривичи	XI–XIII	94	43,6	36,2	6,4	13,8	25,5
Ивесь-Долгое	XIV–XVIII	59	25,4	27,1	25,4	22,0	28,4
Коматово	XVI–XVIII	225	30,2	19,6	29,8	20,4	33,3
Сельское население Беларуси	XVIII–XIX	135	40,7	45,2	0,7	13,3	35,6
Сельское население Могилевской губ.	1871–1881 гг.	289 934	17,4	19,9	–	**62,7**	19,1

Согласно статистическим данным о смертности сельского населения Могилевской губернии конца XIX века, численность умерших детей в возрасте до 15 лет составляла 62,7 % по отношению к числу умерших взрослых (табл. 1). Такая высокая смертность детей была типичным для того времени явлением и сохранялась на территории Российской империи вплоть до начала XX в. [5, с. 17]. Радикальное снижение детской смертности происходит лишь во второй половине XX века, когда стали применять сульфаниламиды, затем антибиотики [6, с. 76]. Учитывая стабильность условий жизни крестьянства на территории Беларуси на протяжении эпохи средневековья и нового времени, нет никаких оснований предполагать, что в предыдущие столетия детская смертность могла быть ниже.

Во всех остеологических выборках доля детей значительно ниже и колеблется в пределах от 13,3 до 22 % от общей численности выборки, что прямо указывает на недоучет детских останков. В особенности это ярко прослеживается на примере младенцев в возрасте до 1 года. Для сравнения: согласно данным статистики за 1871–1881 гг. младенческая смертность (процент умерших до 1 года) в крестьянских семьях Могилевской губернии составляла 29,5 % от общего числа смертей [8, с. 52–53]. По данным П. А. Горского, в 1987 г. смертность младенцев до 1 года в сельской местности Бобруйского уезда составляла 35,4 % от всех умерших [1, с. 39]. Такая высокая младенческая смертность

сохранялась на территории Российской империи вплоть до начала XX в. Так, в период с 1881 по 1903 год, по данным П. И. Куркина, из каждых 100 родившихся младенцев умирало от 24 % до 30 % [5, с. 27].

Рассмотрим, как представлены младенческие скелеты в остеологических выборках. В двух сборных сериях (курганные кривичи и сельское население XVIII–XIX вв.) не было выявлено ни одного младенческого скелета, в серии Коматово – было зарегистрировано 6 младенцев на 225 умерших (2,7 %), в суммарной выборке Ивесь-Долгое – 1 младенец на 59 умерших (1,7 %). Совершенно очевидно, что такой низкий процент младенцев в возрасте до 1 года в остеологических выборках обусловлен плохой сохранностью слабо минерализованных младенческих скелетов.

Что касается соотношения взрослых мужчин и женщин, то согласно данным статистики, в период 1871–1881 гг. женщин умирало на 2,5 % больше, чем мужчин (табл. 1). Этот факт объясняется тем, что в детском возрасте мальчиков умирало больше, чем девочек. Начиная с 15 лет это соотношение меняется, и женская смертность начинает превышать мужскую вплоть до 75-летнего возраста [8, с. 32–33].

В остеологических выборках соотношение мужских и женских останков представлено по-разному. В ряде случаев процент женских погребений ниже, чем мужских. Особенно это показательно на примере серии из Коматово, где численность женских скелетов на 10,6 % ниже, чем мужских. Однако в данном случае число индивидов, пол которых не удалось определить из-за плохой сохранности скелетного материала, составляет почти 30 %. Учитывая тот факт, что скелеты взрослых женщин сохраняются значительно хуже, чем скелеты мужчин, реальное соотношение полов в исследованной выборке могло существенно отличаться от зарегистрированного.

В палеодемографических исследованиях часто используется такой показатель, как доля доживающих до финальной возрастной когорты (возраст старше 50 лет, d_{50+}). Согласно статистическим данным за 1871–1881 гг., процент доживающих до

финальной возрастной когорты составлял 19,1 %. Во всех остеологических выборках этот показатель значительно выше и колеблется в пределах 25,5–35,6 %. Однако во всех рассмотренных случаях повышение процента доживающих до финальной возрастной когорты происходит за счет существенного снижения доли индивидов детского возраста. Таким образом, процент доживающих до финальной возрастной когорты может значительным образом искажаться в зависимости от репрезентативности детской части выборки.

Анализ показателей таблиц дожития. Для выборок «Ивесь» и «Долгое» сначала были построены отдельные таблицы дожития. В результате были зарегистрированы близкие показатели смертности: средняя ожидаемая продолжительность жизни взрослых (E_{20}) в группах Ивесь и Долгое составила 23,7 и 21,4 года соответственно, средний возраст смерти – 40,2 и 40,4 года соответственно, процент доживающих до финальной возрастной когорты – 28,6 и 28,2 % соответственно. Принимая во внимание сходство демографических показателей, а также учитывая территориальную, хронологическую и культурную общность исследованных выборок, материалы 2 могильников были объединены в одну серию, для которой была построена общая таблица дожития (табл. 2).

Таблица 2. **Таблица дожития для суммарной группы Ивесь–Долгое**

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
Все взрослые и дети (N = 59)							
0–6	9,5	16,1	100,0	0,161	551,7	3094,1	30,9
7–14	6,5	11,0	83,9	0,131	627,1	2542,4	30,3
15–19	2	3,4	72,9	0,047	355,9	1915,3	26,3
20–29	10,25	17,4	69,5	0,250	608,1	1559,3	22,4
30–39	6,75	11,4	52,1	0,220	464,0	951,3	18,3
40–49	7,25	12,3	40,7	0,302	345,3	487,3	12,0
50+	16,75	28,4	28,4	1,000	141,9	141,9	5,0

Окончание табл. 1

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
Мужчины (N = 15)							
20–29	3	20,0	100,0	0,200	900,0	2066,7	20,7
30–39	4,5	30,0	80,0	0,375	650,0	1166,7	14,6
40–49	3,5	23,3	50,0	0,467	383,3	516,7	10,3
50+	4	26,7	26,7	1,000	133,3	133,3	5,0
Женщины (N = 16)							
20–29	4,5	28,1	100,0	0,281	859,4	2250,0	22,5
30–39	2	12,5	71,9	0,174	656,3	1390,6	19,3
40–49	2,5	15,6	59,4	0,263	515,6	734,4	12,4
50+	7	43,8	43,8	1,000	218,8	218,8	5,0

Примечание: D_x – число умерших в каждом возрастном интервале; d_x – процентное распределение смертей в различных возрастных интервалах; l_x – относительное число индивидов, доживающих до определенного возрастного интервала; q_x – вероятность смерти в каждом возрастном интервале; L_x – число лет, прожитых индивидами, дожившими до данного возрастного интервала; T_x – общее число лет, которое может быть прожито индивидами, достигшими определенного возрастного интервала; E_x – ожидаемая продолжительность жизни в каждом возрастном интервале.

Как было отмечено, детская смертность в исследованной выборке занижена. Ожидаемая продолжительность жизни без учета детской смертности (E_{20}) составила 22,4 года. Ожидаемая продолжительность жизни у женщин на 1,8 года выше, чем у мужчин, однако в данном случае численность выборки слишком низка, чтобы говорить о статистической достоверности этих различий.

Аналогичная таблица дожития была рассчитана на основании статистических данных о половозрастном распределении умерших среди сельского населения Могилевской губернии в период с 1871 по 1881 год [8, с. 52–53]. Средняя ожидаемая продолжительность жизни взрослых (E_{20}) в данном случае составила 26,5 лет (табл. 3). У женщин этот показатель на 0,8 года ниже, чем у мужчин. При этом средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (E_0) у девочек на 2 года выше,

чем у мальчиков. Это объясняется повышенной смертностью мальчиков по сравнению с девочками. Вероятность смерти (q_x) в детском возрасте у девочек ниже, чем у мальчиков, однако после 15 лет это соотношение меняется, и вероятность смерти у женщин начинает превышать таковую у мужчин.

Таблица 3. **Таблица дожития сельского населения Могилевской губернии за 1871–1881 гг. (рассчитано на основании статистических данных)**

Возраст, лет	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	E_x
Все взрослые и дети (N = 289 934)							
0–7	167052	57,6	100,0	0,576	427,1	1866,1	18,7
7–15	14649	5,1	42,4	0,119	318,9	1439,0	34,0
15–20	5743	2,0	37,3	0,053	181,7	1120,1	30,0
20–30	12112	4,2	35,3	0,118	332,6	938,4	**26,5**
30–40	15285	5,3	31,2	0,169	285,4	605,8	19,4
40–50	19728	6,8	25,9	0,263	225,0	320,5	12,4
50+	55365	19,1	19,1	1,000	95,5	95,5	5,0
Индивиды мужского пола (N = 146 199)							
0–7	88033	60,2	100,0	0,602	419,4	1767,3	17,7
7–15	7572	5,2	39,8	0,130	297,6	1348,0	33,9
15–20	2786	1,9	34,6	0,055	168,3	1050,4	30,4
20–30	5384	3,7	32,7	0,113	308,6	882,1	27,0
30–40	6497	4,4	29,0	0,153	268,0	573,6	19,8
40–50	9213	6,3	24,6	0,256	214,2	305,6	12,4
50+	26714	18,3	18,3	1,000	91,4	91,4	5,0
Индивиды женского пола (N = 143 735)							
0–7	79019	55,0	100,0	0,550	435,1	1966,6	19,7
7–15	7077	4,9	45,0	0,109	340,5	1531,5	34,0
15–20	2957	2,1	40,1	0,051	195,4	1191,0	29,7
20–30	6728	4,7	38,0	0,123	357,0	995,7	26,2
30–40	8788	6,1	33,4	0,183	303,1	638,6	19,1
40–50	10515	7,3	27,2	0,268	235,9	335,6	12,3
50+	28651	19,9	19,9	1,000	99,7	99,7	5,0

В табл. 4 представлены данные о показателях смертности взрослых без учета детской смертности для всех исследованных остеологических групп.

Таблица 4. **Показатели смертности взрослых (остеологические серии)**

Группа	Датировка, век н. э.	Мужчины		Женщины		Вместе	
		E_{20}, лет	*СВС*, лет	E_{20}, лет	*СВС*, лет	E_{20}, лет	*СВС*, лет
Кривичи	XI–XIII	22,8	41,8	20,3	39,8	21,9	41,2
Ивесь–Долгое	XIV–XVIII	–	–	–	–	22,4	40,3
Коматово	XIV–XVIII	23,2	42,1	18,5	37,6	22,5	40,7
Сельское население Беларуси	XVIII–XIX	26,6	44,4	18,9	37,5	22,7	40,9
Сельское население Могилевской губернии	1871–1881	27,0	45,6	26,2	44,9	26,5	43,7
E_{20} – средняя ожидаемая продолжительность жизни, *СВС* – средний возраст смерти							

Как видно из табл. 4, на протяжении значительного времени – с XI до начала XIX в. – общая ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Беларуси была стабильно низкой. Начало увеличения продолжительности жизни взрослых приходится лишь на конец XIX в., что подтверждают и данные исторической демографии [8]. Постепенное увеличение продолжительности жизни сельского населения, начавшееся на территории Российской Империи в 60-е годы XIX в., было отмечено многими исследователями и объясняется постепенным улучшением экономических и гигиенических условий жизни крестьянства, а также улучшением медицинского обслуживания сельского населения после отмены крепостного права [5, с. 25; 8, с. 26; 2, с. 10]. Эти изменения касаются только взрослой части населения, радикального снижения детской смертности удалось достичь лишь в XX в.

Рассмотрим возможные причины стабильно высокой смертности сельского населения. Как отмечает Б. Б. Прохоров, смертность при традиционном типе воспроизводства складывалась из двух компонентов: «нормальной» смертности, наблюдавшейся в относительно благоприятные периоды при отсутствии каких-либо экстремальных событий, и «катастрофической» смертности, связанной с неблагоприятными периодами (голодные годы, эпидемии, войны) [10, с. 48].

Одной из причин «катастрофической» смертности крестьянского населения были голодные годы. Согласно подсчетам В. Т. Пашуто, в XI–XIII вв. в среднем на каждые 7,5 года приходится одно сообщение о голоде [9, с. 65]. Голодные периоды, как правило, сопровождались вспышками эпидемий. Недостаток пищи, болезнетворное влияние ее заменителей, ослабление устойчивости организма приводило к распространению таких болезней, как тиф, цинга, дизентерия [9, с. 69]. Часто голод становился следствием многочисленных междоусобных войн, которые часто сопровождались разорением целых поселений, уничтожением домашнего скота и посевов [9, с. 67].

В XIV в. белорусские земли вошли в состав Великого Княжества Литовского. В ближайшие столетия территория Беларуси была одним из самых неспокойных регионов Европы, пережив нападения немецких крестоносцев, набеги крымских татар, войны с Московским государством XVI–XVII вв., междоусобные стычки местных феодалов. Военные действия, приводившие к периодическим значительным потерям населения, усугублялись голодом и эпидемиями. Так, по данным И. А. Марзалюка, в период с XVI по XVIII век эпидемические годы на белорусских землях отмечались не меньше 81 раза [7, с. 97].

В конце XVIII в. белорусские земли вошли в состав Российской империи, что привело к относительной политической стабилизации в регионе. В целом с конца 90-х годов XVIII в. и до середины XIX в. имел место, хоть и незначительный, рост численности сельского населения, однако ряд факторов продолжал негативно влиять на прирост населения.

Значительное снижение численности населения, особенно крестьянства, было обусловлено войной 1812 года и связанными с ней эпидемиями, разрухой, неурожаями. Большие потери населения вызвали эпидемии холеры, которые имели место в 1831, 1848–1849, 1858–1859 гг. С середины 40-х годов XIX в. начинается хозяйственный спад, вызванный кризисом крепостнической системы, повлекший за собой убыль населения [11, с. 388–389].

Представление о возможных причинах «нормальной» смертности позволяют составить этнографические и медико-антропо-

логические исследования XIX в. В исследовании Е. П. Тышкевича, посвященном статистическому описанию Борисовского повета, приводится описание наиболее распространенных среди крестьян заболеваний. Среди инфекционных болезней названы тиф, холера, простудная лихорадка, дизентерия, скарлатина, корь [16, с. 233–243]. Ряд исследователей обращают внимание на характерный сезонный характер заболеваний, указывая на высокую смертность крестьян весной в результате крупозного воспаления легких и летом в результате дизентерии [1, с. 38; 15, с. 21–22].

Большинство заболеваний, распространенных в крестьянской среде, было вызвано неудовлетворительным санитарно-гигиеническим состоянием среды обитания. Тесноту, царившую в однокамерных крестьянских жилищах, хорошо описывает Е. Р. Эйхгольц: «обыкновенно семья крестьян не состоит из одного семейства… а большей частью в ней помещается глава семьи с женатыми сыновьями... Бывают семьи, состоящие из 16 взрослых душ… Неудивительно, что если у одного члена семьи случится инфекционное заболевание, то, безусловно, переболеют все. Осенью, во время эпидемии оспы, дети умирали в громадном числе и при такой обстановке никакие санитарные меры в крестьянском быту не достигали цели» [15, с. 17]. Зимой в хатах держали телят, поросят, гусей, кур, что создавало чрезвычайно тяжелую атмосферу внутри помещения и способствовало развитию болезней [11, с. 384]. Как правило, антисанитарные условия жизни особенно неблагоприятно отражались на грудных детях и детях младшего возраста [8, с. 34].

Заключение

Во всех исследованных остеологических выборках сельского населения зарегистрирован недоучет детских останков, обусловленный плохой сохранностью слабо минерализованных детских скелетов.

На протяжении значительного периода – с XI до середины XIX в. н. э. сохранялся стабильно высокий уровень смертности сельского населения. Начало снижения смертности прихо-

дится на 60-е годы XIX в., и связано с постепенным улучшением жизни крестьянства после отмены крепостного права. Детская смертность, в особенности смертность младенцев до 1 года, сохраняется на стабильно высоком уровне вплоть до начала XX в.

Основными причинами высокой смертности сельского населения в период с XI до середины XIX в. были неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия жизни крестьянства, а также такие «катастрофические» явления, как голод, эпидемии, войны.

Литература

1. *Горский, П. А.* К характеристике физического развития населения Бобруйского уезда Минской губернии / П. А. Горский. – С.-Петербург: «Я. Трей», 1910. – 145 с.

2. *Довнар-Запольский, М. В.* Народное хозяйство Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Издание Госплана БССР, 1926. – 240 с.

3. *Емельянчик, О. А.* Возможности палеодемографической реконструкции в изучении различных хронологических групп населения с территории Беларуси / О. А. Емельянчик // Актуальные вопр. антропологии: сб. науч. тр. / Ин-т истории НАН Беларуси; под ред. Л. И. Тегако. – Минск, 2008. – Вып. 2. – С. 295–301.

4. *Емельянчик, О. А.* Комплексная антропологическая характеристика населения, оставившего погребения XVI–XVIII вв. у д. Коматово (Гродненский р-н Гродненской обл.) / О. А. Емельянчик // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 9 / Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск: «Беларуская навука», 2014. – С. 32–44.

5. *Куркинъ, П. И.* Смертность малыхъ детей. Статистика детской смертности. Изъ лекций весенняго семестра 1911 г. / П. И. Куркин. – М.: Изд-во Московского о-ва борьбы с детской смертностью, 1911. – 34 с.

6. *Лисицын, Ю. П.* Здоровье населения и современные теории медицины / Ю. П. Лисицын. – М.: Медицина, 1982. – 328 с.

7. *Марзалюк, І.* Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / І. Марзалюк. – Магілёў–Мінск: Веды, 1998. – 260 с.

8. *Опыт* описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении: В 3 кн. Могилев, 1882–1884. Кн. 3. – 329 с.

9. *Пашуто, В. Т.* Голодные годы в Древней Руси / В. Т. Пашуто // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: доклады и сообщения 5 сессии межреспубликанского симпозиума, Минск, 20–25 сент. 1962 г. / АН СССР, АН БССР; редкол.: В. К. Яцунский [и др.]. – Минск, 1964. – С. 61–94.

10. *Прохоров, Б. Б.* Введение в экологию человека: социально-демографический аспект / Б. Б. Прохоров. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1995. – 176 с.

11. *Улащик, Н. Н.* Предпосылки крестьянской реформы в Литве и Западной Белоруссии / Н. Н. Улащик [Акад. Наук СССР, Ин-т истории]. – М.: Наука, 1965. – 480 с.

12. *Федосова, В. Н.* Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости / В. Н. Федосова // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций: сб. науч. ст. / Ин-т археологии АН СССР; под ред. В. П. Алексеева, В. Н. Федосовой. – М., 1992. – С. 51–78.

13. *Чараўко, В. У.* Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2012 г. / В. У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2014. – Вып. 25. – С. 382–389.

14. *Чараўко, В. У.* Археалагічныя раскопкі на могільніку каля вёскі Доўгае Глыбоцкага раёна ў 2015 г. / В. У. Чараўко // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зборнік навуковых артыкулаў III Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Полацк, 14–15 красавіка 2016 г.: у 2 ч. Ч. 1. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – С. 170–177.

15. *Эйхгольц, Е. Р.* Материалы к антропологии белорусов. Рославльский уезд / Е. Р. Эйхгольц. – С.-Петербург, типография Е. Евдокимова, 1896. – 158 с.

16. *Tyszkiewicz, E.* Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Drukarnia Ant. Marcinowskiego, 1847. – 446 c.

V. YEMIALYANCHYK

MORTALITY OF RURAL POPULATION OF BELARUS IN 11–19 CENTURIES (ACCORDING TO PALEODEMOGRAPHY AND HISTORICAL DEMOGRAPHY)

Polotsk State University, Novopolotsk, Belarus

The article presents the results of the paleodemographical research of rural populations of Belarus from the 11th to the 19th centuries. The obtained data were compared with statistical data on mortality in the Mogilev province during the period from 1871 to 1881. It is established that on the territory of Belarus the mortality rate of rural population remained high during the 11–19th centuries. The beginning of decline in mortality falls on the 60th of the 19th century, and is connected with gradual improvement of life of the peasantry after serfdom cancellation. Infant mortality rate remains high up to the beginning of the 20th century. Unsatisfactory living conditions of the peasantry, and also such "catastrophic" phenomena as hunger, epidemics and wars were the main reasons for a high mortality of rural people during the period from 11th to the middle of the 19th century.

Поступила 11 марта 2017 г.